

А. М. Кузнецов

ОТ ЭТНОГРАФИИ К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ (ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ВАРИАНТ)

В данной статье я хочу сосредоточить свое внимание на развитии этнографии/этнологии/социокультурной антропологии в контексте Дальнего Востока России, где в силу особенностей положения края в стране, с одной стороны, обнаруживается определенная региональная специфика научных процессов, с другой – более выразительно проявляются новые тенденции развития этих процессов.

Со времени прибытия первых отрядов русских землепроходцев к берегам Тихого океана в XVII в., последующего включения в состав России Приамурья и Приморья в 1858, 1860-е годы и до начала XX в. территория этого полиэтничного региона исследовалась с помощью экспедиционных методов. Ученые Императорской Академии наук (Крашенинников, Миддендорф, Шренк и др.) положили начало этнографическим исследованиям на Дальнем Востоке. С конца XIX в. начинаются систематические исследования коренного населения на севере указанной территории – они проводились сначала политическими ссыльными Л.Я. Штернбергом, Б.О. Пилсудским, а затем В.Г. Богоразом, В.И. Иохельсоном и другими участниками экспедиций Сибирякова (1895–1897 гг.) и Джебупской (Северо-Тихоокеанская) экспедиции (1897–1903 гг.), а также доцентом Московского университета Н.Л. Гондатти и др. В этих экспедициях наряду с русскими принимали участие и зарубежные ученые (например, Б. Лауфер).

Практика экспедиций на Дальний Восток продолжалась и позже (Амурская экспедиция 1910 г., Маньчжурская экспедиция С.М. Широкогорова 1915–1917 гг.) – в то время, когда уже возникли местные научно-просветительские общества: Общество изучения Амурского края во Владивостоке, Приамурский отдел Русского географического общества в Хабаровске. Открытие в 1899 г. во Владивостоке Восточного института положило начало систематической работе по изучению этнографии зарубежных стран Дальнего Востока (Китай, Корея, Япония). Изучение коренного населения было продолжено в начале XX в. на юге Дальнего Востока местными исследователями В.К. Арсеньевым и А.И. Лопатыным. Благодаря писательскому таланту В.К. Арсеньева и в первую очередь его повести “Дерсу Узала” этнографическая тематика дальневосточного региона получила широкий резонанс в России, а затем, после опубликования переводов работ русских исследователей, и за рубежом.

В годы Гражданской войны на долгое время задержались во Владивостоке сотрудники Музея антропологии и этнографии С.М. Широкогорова, А.М. и Л.А. Мерварты. Они приняли активное участие в открытии здесь Историко-филологического факультета, а затем в создании Дальневосточного государственного университета (1920 г.), сотрудники кафедр которого проводили этнографические исследования. Несколько позже во Владивосток прибыл из Москвы известный антрополог Е.М. Чепурковский. В итоге в силу разных обстоятельств в 1920-е годы на Дальнем Востоке и прежде всего во Владивостоке сложились уникальные предпосылки для создания собственной этнографической (этнологической) школы. К сожалению, в результате эмиграции С.М. Широкогорова и ряда специалистов-востоковедов (Кохановский, Подставин, Рязановский, Спальвин, Шкуркин, Шмидт и др.), отъезда

А.М. и Л.А. Мервартов в Ленинград, а позднее репрессий некоторых ученых в 1934–1937 гг. научный потенциал на Дальнем Востоке так и не был реализован. Закрытие сначала Дальневосточной базы Академии наук СССР, а затем Дальневосточного государственного университета в 1939 г. привели к приостановке развития местной этнографии.

После Великой Отечественной войны число этнографических экспедиций из Москвы и Ленинграда на Дальний Восток резко сократилось, что отчасти можно объяснить закрытостью ряда приграничных территорий. Восстановление деятельности подразделений Академии наук и Дальневосточного государственного университета вызвало потребность в специалистах-этнографах. Эта потребность была восполнена за счет выпускников столичных вузов. Открытие в 1973 г. Дальневосточного отделения АН СССР позволило создать более многочисленный по составу сектор этнографии при Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока во Владивостоке (в основном уже за счет местных молодых специалистов-историков). Свои этнографы стали появляться и в различных музеях Дальнего Востока. Вместе с тем этот период характеризовался элементарным собиранием этнографических данных – публикации лишь вводили эти данные в научный оборот. Этнография на Дальнем Востоке в 1950-е – 1970-е годы носила в целом сугубо прикладной характер, была направлена на решение конкретных практических задач (выполнение научных планов, преподавательские цели, пополнение музейных фондов) и не имела большого значения ни для развития науки в указанном регионе, ни для основной части населения.

Несмотря на восстановление в 1960-е годы на Дальнем Востоке традиций востоковедческого образования, в Восточном институте не удалось тогда восстановить традиции этнографических исследований. Причины сугубо “провинциального” характера дальневосточной этнографии на том этапе развития объяснялись периферийностью региона, затрудненностью связей со столичными центрами и малой привлекательностью Дальнего Востока для высококвалифицированных специалистов. Не секрет также, что этнография, как и другие специализированные дисциплины подобного рода, на местах пользовалась в тот период меньшей, чем обществоведческие специальности, популярностью. Поэтому о том, что такое этнография и какие задачи она решает, кроме самих этнографов в то время имели представление разве что историки, слушавшие “Общую этнографию” на первом курсе института.

В “перестроечные” годы дальневосточная этнография стала претерпевать существенные изменения. Начался отъезд более квалифицированных специалистов в столичные города, в основном в Ленинград. Однако эта потеря была частично компенсирована за счет возможности подготовки кандидатов наук по этнографии в отделах аспирантуры ведущих научных центров страны. В новых условиях произошли заметные изменения и в статусе различных дисциплин социального и гуманитарного цикла. Так, советские обществоведческие дисциплины теперь не пользовались спросом у зарубежных коллег, но ранее периферийные археология и этнография, а точнее, археологические и этнографические материалы региона, стали вызывать у них интерес. Впервые за долгие годы этнографы Дальнего Востока получили возможность развивать непосредственные связи с зарубежными специалистами. Открылись дополнительные возможности для организации совместных исследований на основе грантов отечественных и зарубежных фондов. Важное значение для формирования местного этнографического сообщества имело и открытие во Владивостоке специализированного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в области этнографии и антропологии.

Вместе с тем сложное экономическое положение в стране и низкая заработная плата сотрудников вузов и научно-исследовательских институтов очень затрудняли начальный этап научной деятельности. Поэтому, несмотря на, казалось бы, благо-

приятные перемены в общей ситуации, этнография, как и некоторые другие научные дисциплины, не стала привлекательной для выпускников вузов.

Следует также учитывать, что открытие для посещения иностранцами региона (по крайней мере, его основной территории) в начале 1990-х годов сделало его доступным для экспедиций ряда антропологов США, Германии, Франции, Японии и некоторых других стран. Возможность непосредственно получать конкретный фактический материал в соответствии с собственными исследовательскими установками и принципами вызывала меньшую заинтересованность зарубежных ученых в установлении равноправных взаимоотношений с российскими коллегами. В сложившейся ситуации в совместных проектах отечественные этнографы часто выступали в роли технических менеджеров, переводчиков и вспомогательного состава. Причины таких неравноправных отношений кроются, по всей видимости, не только в более ограниченных финансовых возможностях российских ученых, но и в различных традициях этнографии и антропологии, а также в еще не преодоленном (даже по российским меркам) “периферийном” состоянии дальневосточной этнографии.

В соответствии с общей тенденцией преобразований в России в ряде этнографических учреждений в последнее время было принято название “этнология”. Но это переименование не оказало большого влияния на положение дел в дисциплине. Вместе с тем изменения в общем положении дальневосточного региона, связанные с его открытостью, развитием связей со странами Дальнего Востока, США и другими государствами, выдвигают на повестку дня ряд таких задач, решение которых традиционно связывалось с этнографией, в то время как становится все более очевидным, что дисциплина в своем современном состоянии не может предложить приемлемых вариантов их решения. Действительно, полиэтничный состав населения региона, включающего, кроме собственно русских, группы коренного населения и другие этнические общности, в последнее время нередко состоящие из граждан других государств (по имеющимся данным, только в Приморском крае зафиксировано более 100 различных этнических групп, что почти соответствует общей ситуации в Российской Федерации; примерно такое же положение и в остальных краях и областях этого федерального округа), обуславливает не столько задачу “собираания и описания данных”, сколько задачу оценки ситуации и принятия рекомендаций.

Следует учесть, что в свое время северные районы Дальнего Востока были очень привлекательны для многих приезжих из-за высоких заработков. Изменение государственной политики в отношении ставок заработной платы сразу обнаружило отсутствие других стимулов для жизни на указанных территориях. Кроме того, приграничное положение южных территорий дальневосточного региона вызывало опасения в связи с возможностью экспансии со стороны Китая. В совокупности с неразвитостью общей инфраструктуры региона эти факторы привели к росту миграции местного населения в другие области страны. Нервозность из-за неурегулированности некоторых пограничных вопросов с Китаем, появление в ранее закрытых приграничных районах значительных групп (о реальной их численности идут споры) торговцев-китайцев, а ныне и вьетнамцев, сезонных рабочих из Китая и Северной Кореи, а также некоторые другие обстоятельства приносят совершенно новые реалии в нашу действительность.

Концептуальная и практическая ограниченность дальневосточной этнографии пока не позволила ее представителям сказать свое весомое слово по поводу этих важных проблем. Их место заняли разного рода эксперты, “проектировщики” (хотя я не знаю точно, что это такое), пришедшие из ненаучных и околонучных сфер и остающиеся вне собственно научной традиции. Неудивительно, что реальное социальное и политическое значение и востребованность этнографии/этнологии в последнее время резко падают.

В данных условиях некоторые дальневосточные специалисты, работавшие вне институциональных этнографических рамок, но имевшие дело с комплексными проблемами, близкими этнографии (политогенез, теория этноса, другие теоретические и исторические проблемы), стали идентифицировать себя с социокультурными антропологами. В большинстве случаев эти специалисты (Н.Н. Крадин, В.Н. Соколов, автор данной статьи и др.) были хорошо знакомы с общим уровнем развития российской дисциплины и основными достижениями зарубежных школ. В своих исследованиях они предпочли опираться на более широкую теоретическую базу, предполагавшую учет феномена присутствия и деятельности исследователя в разных областях общественной жизни. Наряду с этнографическими материалами они начали привлекать для решения проблем широкий круг социологических, исторических, археологических и других данных. В непосредственном поле зрения дальневосточных социокультурных антропологов оказались проблемы культуры и межкультурного взаимодействия. Сама антропология в таком варианте была осмыслена как комплексная междисциплинарная наука, основывающаяся на компаративных (кросскультурных) исследованиях.

Официальное признание социальной антропологии в 1995 г. и включение ее в перечень специальностей вузовской подготовки позволило открыть кафедру социальной и политической антропологии в Дальневосточном государственном университете (заведующий – А.М. Кузнецов), кафедру культурной антропологии в Дальневосточном техническом университете (заведующий – Н.Н. Крадин) и начать полноценную подготовку студентов по этой специальности. В настоящее время обе кафедры активно развивают международные связи, в том числе благодаря участию в различных международных конференциях. Однако неукорененность социокультурной антропологии в нашей стране, все еще приводящая к ее стереотипному отождествлению в массовом сознании с физической антропологией, создает дополнительные сложности в ее институционализации. Небольшой срок существования социокультурной антропологии пока не дает шансов рассчитывать на ее единодушное признание в местном научном сообществе.

Вследствие того, что в глазах многих специалистов социокультурная антропология, как и некоторые другие новые специальности, предстает более привлекательной, чем, к примеру, традиционная история, предпринимаются поспешные попытки открывать кафедры по изучению этой специальности в совершенно не готовых к этому вузах. Кроме того, массовое включение “антропологических” курсов в стандарты других специальностей (психология, социология, культурология) приводит к тому, что преподают эти курсы в лучшем случае этнографы и археологи, которые в большинстве случаев остаются на традиционных концептуальных позициях своих дисциплин. Но чаще к их преподаванию привлекаются разного рода “обществоведы”. В итоге складывается мнение (особенно популярное среди этнографов) о том, что принципиальных различий между этнографией и социокультурной антропологией не существует.

Как я пытался показать в данной статье, опыт развития социокультурной антропологии на Дальнем Востоке свидетельствует о том, что ныне существует опасная тенденция, которая может закрепить за данной дисциплиной такой же периферийный статус, какой остается на сегодняшний день за этнографией. Между тем, как мне представляется, именно эволюция этнологии в ее более открытой форме – социокультурной антропологии (по крайней мере, в дальневосточном контексте) дает ей еще один шанс выйти на полноценный уровень развития.